

*Терпеливо ожидающим людям
я отнесу свое сердце...*

Дзюн Таками

Сергей ИЛЬИНЫХ

**ПЕЧАЛЬНАЯ
СИМФОНИЯ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

ШАДРИНСК
«ИСЕТЬ»
1994

ББК 84Р
И46

Ильиных С. В.
Печальная симфония. Стихотворения — Шадринск,
ПО «Исеть», 1994—64 с.

редактор—составитель
ИЛЬЯ СИБИРЦЕВ
художник
ЮРИЙ ЮДИН

ISBN5-7142-0072-1

© Ильиных С. В., 1994.

Русь, меня не отвергай!
Пусть наивен и беспечен —
Я приду, когда пурга
Вновь твои задует свечи.

Уловив неясный зов,
В путь пушусь по доброй воле —
Весь пропитый и крамольный,
Отпрыск ветреных отцов...

* * *

Успокоился. Выстоял. Выжил.
Задубел под презрительный гам.
Навострил быстроногие лыжи —
То-то радости бойким ногам!

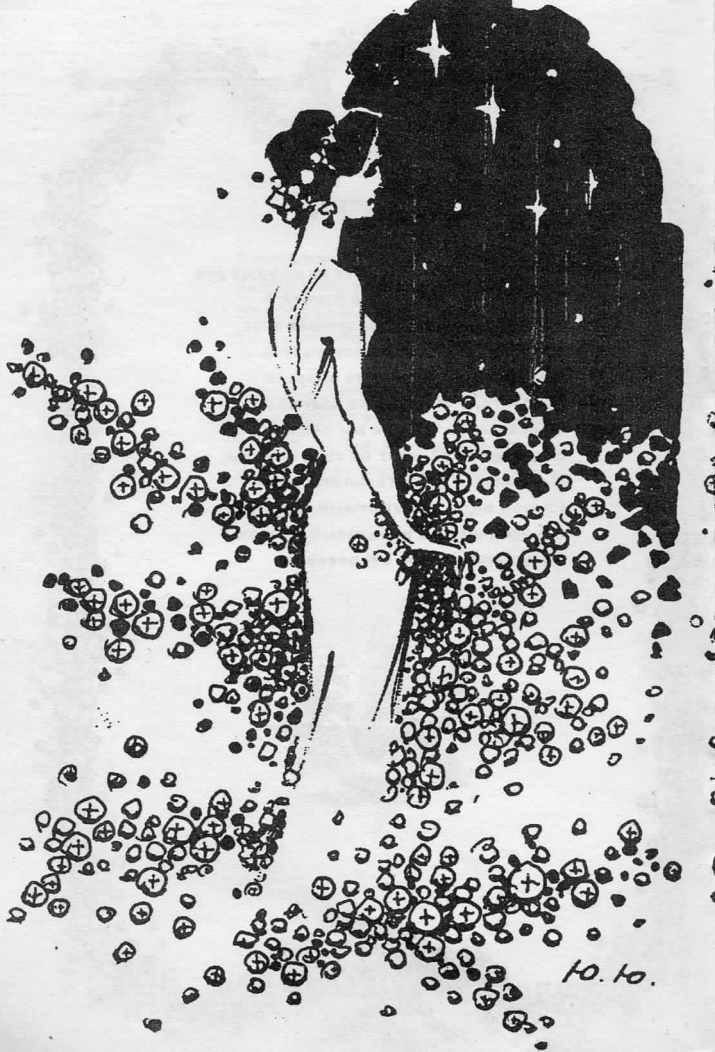
И тотчас понесло, покатило,
Подтолкнуло в последний рывок...
Словно гончая, сердце завывало...
Я такого предвидеть не мог.

ПРИМЕТА

Пустой стакан скользнет из мокрых рук
И затрепещет раненою птицей –
И вздрогну я: сегодня лучший друг
Ко мне наверняка не постучится...
Но он зайдет – примете вопреки –
И просто, в оправдание надеждам,
Обнимемся в четыре мы руки,
В прихожей сбросит он свои одежды,
И я налью в единственный стакан
Глоток воды, намешанный с вареньем...
Сегодня он, как проклятый, таскал
За пазухой святое откровенье.

HO. HO.

ОСЕНЬ

Устало и долго плывут по низинам туманы.
И к зимним морозам готовит лежанку река.
Последним крылом одинокая стая поманит,
И ветер листвою подтолкнет меня в спину слегка.

Ах, были бы крылья – я б землю родную изведаль!
Немного наивно, но все же ничуть не смешно ...
Я помню того бородато-счастливого деда
В правдивом и строгом, никем не забытом кино.

Когда-нибудь стану солиднее, строже, мудрее.
Когда-нибудь буду я новые песни слагать
О том, что с годами далекое солнце чернеет,
О том, что во мне повторяется бедная мать...

РОДДОМ

маме

Да, когда-нибудь на скором,
Весь в мозолях и хмельной,
Я приеду в этот город —
Просто так, на выходной.

Как же память — то бездонна!
Я найду без лишних слов
Деревянного роддома
Перекошенный остов

И, оглохший, вдруг услышу
Голос твой над головой...
Я под этой смертной крышей
Принял самый первый бой...

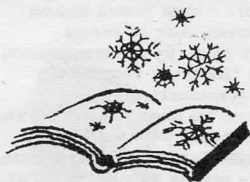
Боже, Боже, неужели
Все — история: роддом
И двенадцать дней сражений
Меж сиротством и родством?

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

Ты рада мне. Ты очень рада мне.
Твои глаза сияют теплым светом.
И кажется, что наступило лето,
и рожь заколосилась на стене.
В твоей квартире властвует покой.
И я невольно время вспоминаю,
где жизнь была хорошая такая,
где были мы, лишь я – совсем другой;
где часто сидя в окруженьи книг,
задумчив был я, хмур, неразговорчив...
А ты ходила рядом, между прочим, –
как добрый ангел, вызванный на миг.
Давно, давно, все было так давно!
Охрип твой голос от воспоминаний.
А вспомни, не была ли мама с нами?
Была, конечно, – я далек от снов.
Она на кухне, сидя у стола,
вновь крестиком свой коврик вышивала
и песню про рябину напевала,
и – пьяного – отца домой ждала;
и вздрагивала, если за окном
почудятся шумы кулачных схваток,
и думала: "Да вроде поздновато
на улице устраивать погром..."
И был отец. Ты помнишь: он стоял,
подпер косяк могучими плечами,
в одной руке большая кружка с чаем,
в другой – окурок пальцы обжигал.

Да-да, он тоже рядом был, отец –
любитель драк и выпивок дешевых.
А сколько он за жизнь свою прошел их!
Но, как в кино, известен был конец.
Не странно ль: неожиданна беда,
хотя давно пригrelась в нашем доме.
Она вам всем гадала по ладони,
а я в утробе смерти ожидал...
Как знать, как знать, не я ль тому виной,
что смыслу вопреки – но все же выжил?
Хоть я родился вовсе не бесстыжим,
с фантазией и с трезвой головой.
Но вот забава думать о былом!
Все в прошлом, даже наши фотоснимки:
ведь мы живем и кружим, как снежинки,
и падаем, и падаем... в альбом...

ДОМИК

памяти отца моего

Позови меня обратно в эту глушь.
Мне не надо ровным счетом ничего.
Будет домик, неказист и неуклюж,
Наблюдать за счастьем рабства своего.
Заживут в нем одержимость и печаль...
А под вечер, как заслуженный упрек,
Проскрипит над дверью сломанный фонарь,
Чтобы ветер его к звездам уволок.
Будут осенью с "уральской наливной"
Падать к домику червонные плоды...
И заплещет над чумазою трубой
С черным чертиком напару рыжий дым!

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ...

Вдали от родины, от шумных тополей,
И свежий воздух кажется излишним,
И сердце бьется тише, тише, тише...
А память шлет, в бесплодности своей, —
Чужую боль, чужие благодати,
Чужую силу дружеских объятий
И все чужое! С ночи до утра —
Нелепый сон да мокрая подушка...
И очень жаль, когда стоишь под душем,
Что с мылом не смывается хандра.

Осень совпала с моею весной.
Осень печаль пролила на пейзажи.
Что происходит сегодня со мной?
Словно под занавес заново зажил,
Словно впервые истому полей
Облачком чистым на небе приметил.
Чем бесполезнее – тем веселей
Просится сердце ночами из петли.
Я не кричу – но с вершины сосны
Позднее эхо откликнется глухо...
Снова я вижу тревожные сны
О похождениях гордого Духа.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Сегодня предвестником
будущих стуж
Над городом снег пролетал
И, плавно кружа,
на развалины душ
Сугробы любви наметал.
И было так много
восторженных слов,
Но больше — неслеланных дел.
И было так тихо,
спокойно, светло —
Как будто весь мир опустел.
И вышел сосед —
покурить — на крыльцо,
И молвил, на снег осердясь:
"Хорошего мало...
растает — и все,
И будет такая же грязь..."

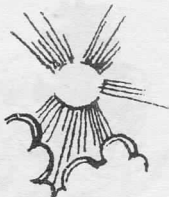

УТРО

Промозглая пустошь исетских долин.
Светает. В плену золотого излома –
Конек твоего сиротливого дома,
Как будто сошедшего с русских картин.

И так неприветливо, так тяжело,
Со стоном вскрываются ставни старушки.
Мгновенье – светлеют их темные души,
И первые блики лупцуют стекло.

Уж сон отлетает в кипучую высь
Под легким нажимом нежданной прохлады.
Откинь покрывало ленивой улады
И тихо, с надеждою, перекрестись.

Замирая, снег в окно летит,
И минуты так однообразны.
А зима за пазухой хранит
Дерзкие по замыслу проказы.

Не сойдешь с опасного крыльца,
Не откроешь форточку навстречу,
Но зато полюбишь до конца
Вечера, когда колдуют печи.

У зимы глаза, как у щенка, —
Добрые, но помнишь, между прочим, —
Даже летом — как горит щека
От ее неласковых пощечин.

НЕВЕСТА

Оступилась ненароком на бегу –
Оказалась, как снегурочка, в снегу.

А прохожий так настойчив был и смел –
Спелым яблочком румянец заалел.

Горячее побежала в жилах кровь.
Окрутила девку первая любовь.

Шли по улице с парнишкой вдвоем.
Расцветал на солнце белый окоем.

А нагрянула веселая весна –
Ни покоя, ни заботушки, ни сна...

Словом, вволю понатешилась, всласть!
Вместе с яблонькой фатой обзавелась.

ТЕБЕ

Н.

Оплетается сердце чужим говорком.
Этот город, казалось бы, с детства знаком.

Этот город с еще достославных времен
Был в такую девчонку когда-то влюблен!

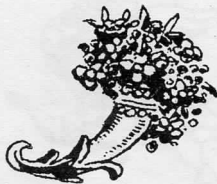
И метался в бреду удалой паренек:
"Я б к перинам исетским тебя уволок,

Я б забыл про отца и родимую мать —
Лишь бы ноченькой темной тебя обнимать!"

Только... выветрил ветер обманчивый хмель,
И следы замела озорная метель,

Полоснув на прощанье своим холодком.
Отчего же любовь — да с чужим говорком?

Отчего же тоска — да с туманом в глазах?
Оттого ль про тебя — все в стихах да стихах...

В СУГРОБЕ

Нет, не поспеть мне за резвой поземкою —
Сходу зарылся в глубокий сугроб!
Шапку в руках я растерянно комкаю,
Ветреной барыни верный холоп.

В свете луны одинокой глаза ее
Ласковой яростью сверлят насквозь
Душу невинную. Вот наказание!
Смилуйся, матушка, гневаться брось.

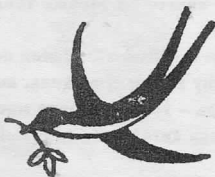
Я ль не служил тебе верою—правдою?
Я ль не построил твой чудный чертог?
Я ль тебя песней веселой не радовал,
Коль поднесет мне на радостях Бог?

Ты ль не крестила ослушника заново,
Сердце купелью январской кропя?
С давней поры, кроме посвиста санного,
Нет ничего уж дороже тебя...

Жду: оседлает хозяйская палица
Спину холопскую вдоль, поперек...
Глядь — холодком надо мной развевается
Шелка китайского смутный намек.

ВЕСНА

Весна, весна!
Зачем же ты издревле
Дурманом
Заволакиваешь Русь?
Пьяным—пьяны
Качаются деревья —
Пойду и я, наверное,
Напьюсь...
Качни, весна,
Прозрачным опахалом —
Роди себе
Поэтов и певцов;
Тогда и я,
Уже не вполнакала,
Твою красу
Оплакивать готов.

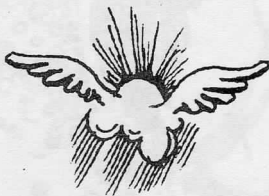

Давно теплом не балует погода —
Все тучи, тучи, тучи над страной.
А где-то там, за кромкой небосвода,
Звенит зари звоночек озорной.

Вздохнет сосед: "Такого не бывало".
Вздохну и я... мне нечего сказать:
Ну что тут скажешь, если над Уралом
Висит проклятья черная печать.

Вздохнет сосед — и эхом отзовется
Печальный вздох продрогших тополей.
Лишь воробей, предчувствующий солнце,
Чирикнет чище, громче, веселей.

Это было. Когда-то, где-то...
Я не знаю, наверно, сам...
Просто было.
Чудное лето.
Вольный вылет по небесам...
Это детство,
Всего лишь детство!
Это явь на кончике сна —
Удивительное соседство!
Вот опять манит тишина,
И пространство чего-то странно
Ожидает, невмочь понять,
Что какой-то мальчонка рано
Просто вышел
рассвет встречать.

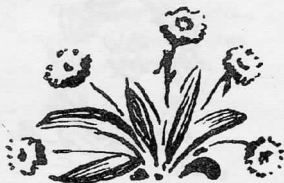
ЗОВ

Убегаю в стозвонные дебри,
Что спеленуты розовой негой.
Там резвятся забавные зебры
И живут под забытой телегой;
Там, как сполохи, ястребы реют
И питаются брошенным просом,
Поклоняясь плющу и пырею
И паучьим серебряным кроснам;
Там издревле в дремучем дурмане,
Схоронясь от потешного ока,—
Незнакомая сказка поманит
В обиталище славы и рока.

МАЛЬЧИКИ

Лобастые мальчики – взгляд нараспашку, –
Они существуют не благостей ради.
Как в парус вонзаются ветры в рубашку.
Коленки прошиты осколками ссадин.
А ночью, у сонных, как звезды лучатся
Следы – на лице – золотистого лета.
Их в губы застенчиво чмокает счастье.
Их сердце луной сердобольной согрето.
Им, видно, давно не нужны одеяла:
Под ними скрывают трусливую душу.
Им в жизни чего-то всегда не хватало.
Чего?.. Эту тайну и я не нарушу.

К ПОРТРЕТУ О.П.

Я тебя одеваю в шелка —
Как принцессу к минуте венчанья.
Да не дрогнет в смущеньи рука,
Чуть насмешлива, зла и печальна!

Отойду и с восторгом гляжу
На творенье ревнивого воу:
Я б всю жизнь одевал — Госпожу,
Только б не расставаться —
С тобою...

* * *

Глаза на минуту раскрой
Над бездной обрыва:
Ты будешь несчастна со мной
И так некрасива!

Ты станешь до старости лет
Рабыней Парнаса,
Дойдешь через меркнущий свет
До смертного часа.

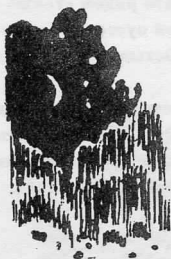
А я никогда не пойму,
Что рядом стоишь ты,
Рукой пустоту обниму –
Остывшую – трижды.

И в сердце вонзится зима
Осколком расплаты...
Отныне ты будешь сама
Во всем виновата.

СНОВИДЕНИЕ

Я скучал по телу твоему,
Изнывая в холоде желанья.
Снилось мне, как в розовом дыму
Ты мелькнула мимо белой ланью.

А моя терзалася душа
В страхе от всевидящего ока...
Боже, как была ты хороша
Из такого близкого далека!

СОНЕТ

Я не хочу юлить перед тобой.
Мои слова выросли и мужали
И каждую свою запятой —
Тебе одной всегда принадлежали.

Я, может, неудачливый поэт
И самый зауряднейший писака...
Но будет мир не раз еще воспет,
Обласкан мной, оплеван и оплакан.

Я знаю, что не в силах запретить
Тебе мою же силу ненавидеть
И, прячась, оглушительно любить,
На все и вся в нешуточной обиде.

Терпение дает мне силу слов..
Но как жестока гордая любовь!

Уходил, успокоенный, прочь
От заветного места.
Я тебе не сумею помочь —
Оставайся невестой.

Из немалого скопища воль
Мне досталось немного,
И тавром обозначена роль
На рогах Козерога:

Зарядив на прощанье ружье,
По-мальчишечьи глупо
Я расстреливал сердце свое
Добровольной разлукой.

Знаешь, я не думаю о прошлом.
Мне ли сожалеть и горевать?
Вызвездится новою порошей
Ночи заколдованная гладь.

Вспомнишь ли – пожалуйста, не мешкай,
Снова позабудь, не вспоминаяй.
Мудростью, до срока не расцветшей,
Ты ни перед кем не щеголай.

Волосы твои перелистает
Осень пожелтелой листвою.
Только не прикидывайся старой.
Все произойдет само собой...

Отстучало сердце, отболело
По твоим застенчивым очам.
У меня теперь другое дело —
Развлекать бумагу по ночам.

Я сижу, распахнуто окошко —
Ничего, что больше не вдвоем...
По соседству маленькая кошка
Разыгралась маминым хвостом.

Заворчал на кухне холодильник
На свою несчастную судьбу:
Вот опять ему не угодили —
Вылетает жар его "в трубу".

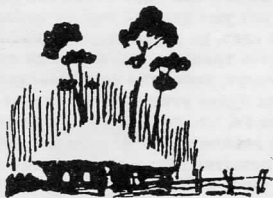
А напротив, тихо и красиво,
Замирает в небе дивный Спас!
И совсем-совсем миролюбиво
Бьют часы.
Подряд двенадцать раз.

ВЕЧЕР

Короток день зимою длинной.
Весь вечер, кухню задымив,
Сидишь и дуешь чай с малиной
Под незатейливый мотив.

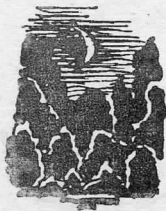
Лениво поборов сомненья
И чашку сотую допив,
Берешь себе под настроенье
Последний модный детектив.

КВАРТИРА № 6

Знакомьтесь: жилище холостяка.
Здесь солнечный луч наблюдает украдкой,
Как чья-то чужая приводит рука
В унылый порядок уют беспорядка,
В котором привычной беспечности нет —
Но есть лишь разумное творчество лени,
Где запахи кофе, вина, сигарет —
Не хуже, чем запах цветущей сирени.
Здесь днем по-отечески мудрый Сезам
Советует в тихий мирок окунуться,
А рядом, в угоду безлунным ночам,
Попутно преследует призрак беспутства;
Уж в пастыри ревностно просится бес,
И ночь — как одно затяжное дыхание,
И нет уже дела до горних небес,
До слез, до раскаянья и покаянья...
Здесь трещины змейками по стене
Ползут, заполняя пространство собою,
Как будто решительней станет вдвойне
Все то, что готово к последнему бою
За равное право на дерзкий дебют
В попытке унять расторопное время...
И здесь незаметно когда-то «убьют»
Веселый народ — холостяцкое племя.

С каждым днем
печальней жить.
Чаще взгляды устремляешь
Вдаль. Там —
Красную вьет нить
Горизонта — вечер. Знаешь:
Будет завтра — будет все.
Забываешься во сне ты —
Улыбается лицо
У планеты,
Ветер дерзок и упруг,
Солнце всасывает сырость...
Утром встанешь, а вокруг —
Ничего
не изменилось.

Пройди по городу валетом
И стань хозяином на миг.

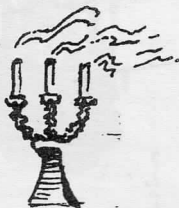
Но не спеши ловить при этом
Ни чей-то вздох, ни чей-то крик,
Ни чьи-то трепетные веки
С кривыми саблями ресниц,
Ни солнца луч – что на рассвете
Пронзает лазером карниз,
Ни дождь с улыбкою грибною
И с тихим выстрелом в упор,
Ни властный зов, ночной порою
Летающий эхом с дальних гор...

Пойди в пельменную, пообедай,
Считай – рассчитывай гроши
Да расплатиться поспеши!
Авось познаешь вкус победы...

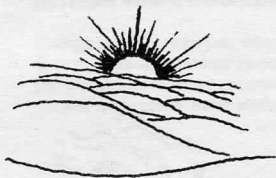
Бежало все в тартарары:
Ручьи, машины, время, люди,
Играли тысячью прелюдий
У школы вопли детворы —
И мерзок был простудный март
В преддверье лета и гулянок!

Опять будильник спозаранок
Зовет бессовестно на старт
И не дает никак забыть,
Что ты еще кому-то должен,
Что не спросив Шекспира дожил
До сокровенного "не быть"...

А мой верблюд упрям и горделив.
С движениями царственной особы,
Плывет себе чрез дюны и сугробы —
Навеки крест поэта разделив...

Ах, где найти нам тихий тот залив,
Чтоб отдохнуть, мой рыцарь звездолобый?

ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО

За грань миров, нежна и горяча,
Плывет моя печальная свеча.
Там белых чаек тихий слышен хор,
И погребальный плещется костер.
На том костре — далекий мой кумир.
О нем шумит восторженно эфир.
А я с молитвой выдыхаю грусть:
Зачем ты так неблагодарна, Русь...

Б. ПАСТЕРНАКУ

Спустишься ко мне на землю, отче,
Я чай покрепче заварил.
Я – твой слуга и между прочим
Давно свидание пророчил,
Но ждал, пока угаснет пыл.

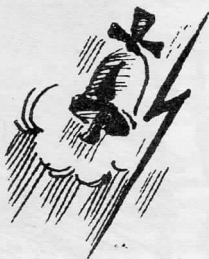
Теперь готов: труды оставил
В немом томленьи на потом,
Прикрыл потресканные ставни –
И отзвук вновь молитвы давней
Не пропускает спящий дом.

А в келье тихо и... послушно.
Не спят, как прежде, образа.
И я уже немного трушу...
И вот уж держат мою душу
Холодной вечности глаза...

ПУШКИН

Ах, этот парень кучерявый...
Отшельник, раб и господин...
Слегка историю подправил —
И как изящно наследил!..
Но прикоснулась к пистолету
Поэта легкая рука —
С тех пор завесили планету
Смертей нелепых облака...

10.10.

ПЕЧАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ

1.

Я окунусь во тьму веков.
Там в легком облаке кадила,
В венце из острых лепестков
И в знойной тяжести оков
Ты улыбаясь уходила.

Как будто не было и нет
Судьбы иной. Еще немало
Увидит казней этот свет —
Под пенье струн и кастаньет
И звон разбитого бокала.

Ах, как заманчиво мила
Свобода пьяного азарта —
Пока молчат колокола!
Сегодня ты туда ушла
Смиренной жертвою, а завтра —

Когда рассеется туман,
И прокричит большая птица —
Погонит волны океан
Страстей из всех великих стран
И все сначала повторится:

Бесшумно занавес падет,
И в скудном пламени софита
Возникнет вновь за родом род,
И потекут за годом год,
Где каждый подлостью пропитан...

2.

О, маска старого плута!
С нее под утро шут стирает
Не пыль, но кровь; и иногда,
Довольный шуткой, без труда
На детский лик свой надевает —

И тут же, словно невзначай,
Осенним холодом разящим
Пронзит тебя картавый грай:
Ну где он, этот чертов рай
С его ручным, как кошка, счастьем?

И долго будет падать дождь
В кромешно-грозовом закате.
Ты не поймешь, но обретешь
Тупую сладостную дрожь,
Что с головы до ног окатит.

А может, с ног до головы —
Какая разница, покуда
На карнавале все, увы,
Сколь лживы — столь же и правы.
Скажи мне, это ли не чудо?

Попробуй вновь перевернуть,
Попробуй... Ну же... нет, напрасно,
Но манит в бездну заглянуть
И так желанна эта суть
Неотвратимого соблазна.

3.

...Но ты, воскресшая в другой –
Такой же искренней и чистой –
Пройдешь своею колеей,
И лишь однажды образ твой
Скользнет вдоль клавиш пианиста.

Постой же, музыка, замри
И уступи одно мгновенье –
Пусть остынут алтари
С невинной плотью для игры
В пылу бесполого влечения!

Быть может... Нет, не может быть
И ничего уже не может...
Осталось только повторить,
Запомнить, снова позабыть
Печальный глас: Храни нас, Боже...

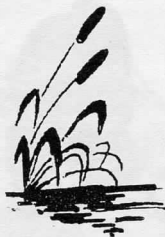

Побелите свой дом.
Успокойте улыбкой родных.
Приготовьте обед...
Постарайтесь уйти неслучайно!
И не нужно скорбеть.
И страшиться ошибок своих.
Воспарив над землей,
Оставляйте в наследство
Молчанье...

О, Небо! Прими мое белое знамя —
Взамен за бедовую эту страну.
Покорно блуждая в потемках сознания,
Я раненым лучше в тебе затону.

Быть может, тогда, до кенца успокоюсь,
В последний момент сквозь тяжелую муть
Увижу, как тихо пробудится совесть...
Но только обратно не дай повернуть.

Жизнь еще не утомила.
Не расстрочена пока
Сердца радостная сила,
И верна моя рука.

Но зачем-то чаще, чаще
Вместе с жизнью — впопыхах —
Смерть уравнивает чаши
На твоих, судьба, весах...

Чего же проще – вскачь, аллюром,
Стрелой, мгновением одним –
Скользнуть и в поднебесье хмуром
Оставить запах или дым...
Но – претерпев при всем при этом
Нужду, свистящую как плеть, –
Провинциальным стать поэтом...
И с миром в сердце умереть:

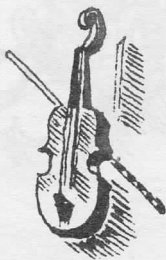

ДЯДЯ ГРИША

Дядя Гриша помер на рассвете.
Остывала трубка на столе.
Был он тих, лицом печально-светел,
А дожить мечтал аж до ста лет.

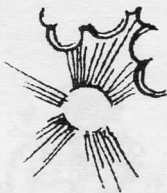
Был он тих как спящая царевна.
Без гроша и злобы за душой.
Целый день не ведала деревня
О беде — такой вот, небольшой.

Ночью ветер, верностью колышим,
Бережно отчаянье пронес...
Это во дворе у дяди Гриши
Отпевал его бедняга пес.

В круговороте черных дней
Дождись однажды дня такого,
Когда из всех земных корней
Взойдет упрямо и сурово
Могучий стебель естества.

Поникнет старая трава –
И в муках светлого рожденья
Ты примешь боль за откровенье,
А крик – за голос торжества...

Я хочу быть рядом! Я хочу
Пробежать по лезвию—лучу
Этих бед, опущенных судьбой,
Что зовутся черной полосой.

Я хочу быть рядом! И пока
На твоём плече — моя рука,
Пожелай неслыханных свобод,
Но смиришь — коль все наоборот.

Я хочу быть рядом! Ты взгляни
На давно умершие огни...
Самой непокорной из планет,
Пронеси в ладонях дивный свет.

* * *

Меня здесь нет. И здесь меня не будет.
Осенним звездам я принадлежу.
Пусть каждый раб судьбу свою осудит —
Лишь я своей судьбы не осужу.

Когда во мне откликнутся устало —
На миг надежды — ваши голоса,
Я буду падать звездочкою малой,
Как миг надежды, в грустные глаза.

Когда устам придет предназначенье
Отдать долги: за слово — крестный круг,
Откликнусь я на робкий скрип качели
Как самый верный, самый первый друг.

ЧУЖАЯ ЗВЕЗДА

Мое обманное кино,
Мое доверчивое чудо!
Ах, как нелегко давно
Все было это.

Но куда
Затянет кровь рубцы любви —
Едва трепещущая вера
Прикосновеньем Люцифера
Меня напутствует:

 плыви!
И я плыву, как в первом сне,
Доверив ветру руки-крылья,
И туч неспешных эскадрилья
Плывет,

 зловещая,

 ко мне.

Какой на свете кавардак!
Все мнится:
Двух миров смешенье,
Как символ смерти и рожденья,
Опять похоже на пустяк —
И покидает нас мечта,
Звенит надтреснутая лира...
Прощай,

 чудовище эфира, —
Моя обманная звезда.

ПОЭТ

Руку на сердце – а сердце молчит.
Что там в груди непрестанно стучит?
Сон ли походкой ленивой бредет,
Иль закипает отчаянный год?
Или трусливой душе вопреки
Старые лезут наружу грехи?

Пал за спиною надломленный свет:
"Ты заблуждаешься, ты не Поэт –
Ты порождение немой пустоты,
Что из себя представляешь – не ты".

Снова зловеще сгущается мрак.
Мертвым на пятки ступает чужак.
Вьется спиралью обманный тоннель...
Где-то вверху завывает метель.
Холодно... холодно... руки согреть...
Но изо рта вырывается смерть:

"Ты заблуждаешься, ты не герой.
Поздно. Смирись. Возвращайся домой".

Господи! Мысль непослушна губам.
Волю свою добровольно отдам –
Лишь бы сейчас наконец обрести
Сил и тепла на остаток пути.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Избегнув лениости лукавой,
По коридорам потайным
Души, не тронутой отравой
(Что часто величают славой),
Приди к хранилищам своим.

Там на дверях – печать разлуки.
Там – за дверями – ждут тебя
Судьбы протянутые руки...
Так отопри – и в первом звуке
Найди приметы слова "Я".

О, жаркий трепет нетерпенья –
Когда рождается впотьмах
Из ничего, из ошущенья
Едва заметное брожение...
О, как велик бывает страх!

И как тогда бывает плохо –
Штурмуя призрачный редут...
Но вот – по капелькам, по крохам –
На трон болезненного вздоха
Стихи усталые взойдут.

НОКТЮРН

Плывет, плывет
хрустальный звон.
Какие думы будит он?
То — дружбы верной
тихий глас
Звучит торжественно для нас:
Пора!
Пора, печаль запей —
Глуша
железный звон
цепей,
Не зная ласковых причин
Для злых наветов...
Ты — один —
Сидишь и куришь у окна,
И ждет свидания луна,
И невозможно превозмочь
Той черноты —
где чахнет ночь,
И где в светлеющей тиши —
Не место
для пустой души...

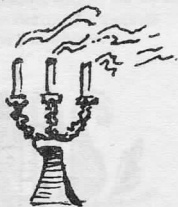
РАЗБИТЫЙ РОЯЛЬ

О, этот вечер... горестный, осенний...
В дремотную закутавшись печаль —
Не спи, разбитый старенький рояль,
В минуты страшных потрясений.

Ведь то — не ветры верстами пылят,
И вой сирен — не плач слепой метели;
Опять у пулеметной колыбели
В России матери стоят!

Куда, куда от осени нам деться?
Как тяжкий крест — великая напасть:
Хромой престол, взъерошенная власть...
И крик разорванный — младенца...

Так не витийствуй и не прекословь —
В последний вечер — жалостный, осенний!
От черных клавиш — спекшаяся кровь...
От белых клавиш — светлое спасенье...

МОЛЬБА

Наступит миг – и к аду или раю,
Гонимый сном, шагну я налегке.
Но прежде выйду, молнию поймаю,
Зажму как меч в слабеющей руке

И – обрета достоинство под ливнем
И трижды тем мечом перекрестясь –
Сознанием своим полусонливым
Нашуваю утраченную связь.

Зачем томиться таинством вчерашним...
Отрину я взлелеянную грусть
Молчания, предстану говорящим –
И с тихим словом к небу обращусь.

Вершитель мой! Не ты ль остался с теми,
Кого уж нет? Пришел и мой черед...
Но дай мне шанс оплакать наше время:
Что было, есть и что – произойдет.

О, дай мне сил в попытке обернуться,
Забрать с собою часть моей вины
И – напоследок – смело усмехнуться
Ед дизою улыбкой сатаны!

ОБ АВТОРЕ

Сергей Ильиных родился в городе Шумихе Курганской области.

Через двенадцать дней после рождения остался без родителей, и на целый год его домом стал кабинет главного врача шумихинского роддома.

С 1965 года и по сей день его жизнь связана с Шадринском.

Здесь он закончил среднюю школу; здесь, в педагогическом институте, получил профессию учителя русского языка и литературы; наконец, здесь — вошел в поэзию.

Несколько лет был корреспондентом, а затем заведующим отделом городской газеты «Шадринская новь» (сейчас — «Исеть»). Его очерки, статьи, стихотворения публиковались в местной печати, а также в «Книжном обозрении», в журналах «Советский экран» и «Литературная учеба».

«Печальная симфония» — первая книга тридцатилетнего поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

«Русь, меня не отвергай...».....	3
«Успокоился. Выстоял. Выжил...».....	4
Примета.....	5
Осень.....	7
Роддом.....	8
Письмо к сестре.....	9
Домик.....	11
Вдали от родины... ..	12
«Осень совпала с моею весной...».....	13
Первый снег.....	14
Утро.....	15
«Замирая, снег в окно летит...».....	16
Невеста.....	17
Тебе.....	18
В сугробе.....	19
Весна.....	20
«Давно теплом не балует погода...».....	22
«Это было. Когда-то, где-то...».....	23
Зов.....	24
Мальчики.....	25
К портрету О.П.	26
«Глаза на минуту раскрой...».....	27
Сновидение.....	28
Сонет.....	29
«Уходил, успокоенный, прочь...».....	30
«Знаешь, я не думаю о прошлом...».....	31
«Отстучало сердце, отболело...».....	32
Вечер.....	33
Квартира № 6.....	34
«С каждым днем...».....	35
«Пройди по городу валетом...».....	36
«Бежало все в тартарары...».....	37
«А мой верблюд упрям и горделив...».....	38
Памяти Высоцкого.....	39
Б. Пастернаку.....	40
Пушкин.....	41
Печальная симфония.....	43
«Побелите свой дом...».....	46

«О, Небо! Прими мое белое знамя...».....	47
«Жизнь еще не утомила...».....	48
«Чего же проще – вскачь, аллюром...».....	49
Дядя Гриша.....	50
«В круговороте черных дней...».....	51
«Я хочу быть рядом! Я хочу...».....	52
«Меня здесь нет. И здесь меня не будет...».....	53
Чужая звезда.....	54
Поэт.....	55
Рождение стиха.....	56
Ноктюрн.....	57
Разбитый рояль.....	58
Мольба.....	59
Об авторе.....	60

**Автор выражает глубокую признательность и
благодарность акционерному обществу
«Ольховское» и лично Борису Владимировичу
Бобарыкину за финансовую помощь в издании
книги.**

АО «ОЛЬХОВСКОЕ»!

**Отзывы о книге присылать по адресу:
641800, г.Шадринск, Курганская обл., а/я 55.**

Ильиных
Сергей Владимирович

Печальная симфония

Стихотворения

Лицензия ЛР № 010124 от 28.10.91 г.

Подписано в печать с готовых форм набора
15.07.94. Формат 60x84 ¹/₃₂. Бумага писчая белая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,86. Уч.-изд. л. 2,24.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1514.

Издательство Шадринского ПО «Исеть», 641800,
г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в Шадринской типографии ПО «Исеть»
комитета по печати и средствам массовой информации
администрации Курганской обл., 641800, г. Шадринск,
ул. Спартака, 6.

